Гайдай Леонид 28.01.93

Мифологический царь Мидас превращал все, к чему прикасался, в золото. Леонид Гайдай превращает все, к чему прикасается, в комедию. И потому много лет украшает нашу мифологическую жизнь, обучая нас самому, может быть, правильному взгляду на нее. На этих страницах — юбилейный бенефис. Гайдаю — 70!

Леонид ГАЙДАЙ: «ВРОДЕ НЕ БЕЗДЕЛЬНИКИ И МОГЛИ БЫ ЖИТЬ...»

Кино — продукт, не подлежащий длительному хранению. У Леонида Гайдая нет на полке ни одной картины. По начальству не ходил — терпеть не мог. Но все поправки принимал, чтобы не пострадали работавшие с ним люди. Он называет сатиру «однодневкой». Но почему-то «Самогонщики», «Операция «Ы», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука» и сегодня смешны. До слез.

Леониду Гайдаю — 70 лет. Его первой комедии — 35. Фильмы Гайдая, такие смешные и легкие, были не веселящим газом, а воздухом, в той, совсем не смешной и не легкой жизни. Сейчас не до смеха. Может, стоит вспомнить, что минута хохота заменяет по калорийности килограмм мяса?

Итак, беседа с Мастером. Весело о грустном? Или грустно о смешном?

— «Шутить и век шутить» вам не трудно, Леонид Иович!

— Раньше было легче. А сейчас все труднее и труднее. Сколько раз думал: «Ну почему я все комедии делаю?» Тем более первый мой фильм «Долгий путь» по Короленко — мелодрама, совсем не комедийная. И так после каждой картины: все, следующую буду делать в другом жанре, а не получалось. Засасывало. Правда, сейчас и комедии-то никто не смотрит.

— А можно ли заранее предсказать успех у зрителя! Вы ожидали, например, что станет так популярна «Кавказская пленница»!

— Нет, абсолютно. Просто всегда старался сделать смешнее. Есть философская комедия, есть лирическая. Для меня комедия — когда смех в зале. Вот это комедия.

— Что, по-вашему, должно смешить: слова или действие!

— Лучше, когда это сочетается. Но в то время, когда появился «Пес Барбос», шли комедии, построенные только на тексте. Французские — «Папа, мама, служанка и я», о наших я уже не говорю. А мне захотелось сделать пять минут чистого кино, без слов. Прочитал в «Правде» стихотворный фельетон Степана Олейника. Там были какие-то браконьеры, которых в сценарии надо было наделить характерами. И появились Трус, Балбес и Бывалый. Маски, по существу.

— Вам приходилось чувствовать себя Бывалым, извините, Трусом, и...

— Балбесом, да! Наверное. Каждый человек когда-то трус, когда-то хозяин, когда-то балбес. Почему они популярны стали — вот вопрос.

— Да, они явно не образцы для подражания. Тем не менее, реплики из ваших комедий стали поговорками, а персонажи — героями анекдотов.

— Это заслуга сценаристов Я. Костюковского и М. Слободского. Сценарии первых двух картин мы писали втроем, придумывали буквально каждую строчку: один за машинкой, двое фантазируют. Мы мучительно изобретали эти реплики: «Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше». В последних моих фильмах нет таких летучих выражений.

— Как проходили такие шуточки!

— Разве же это шутка? Вот была шутка: «Я не удивлюсь, — говорила управдом — Мордюкова, — если завтра выяснится, что ваш муж тайно посещает синагогу!» Так было снято, и один экземпляр нам даже удалось показать. Реакция была на это!.. Лично один начальник распорядился переозвучить: «Вы поставили еврейский вопрос и никак его не решили». Пришлось переозвучить: «Тайно посещает любовницу». Совсем не смешно...

— А «в соседнем районе жених украл члена партии»!

— Мы заготовили запасной вариант: «Жених украл дочку прокурора». Но прошло! Замечания были, чтобы жених не покупал невесту: Саахов же ее покупает за десять баранов, холодильник..

— «И бесплатную путевку на Колыму». Кстати, вам не кажется, что ваш Саахов — такой маленький Берия.

— Так и было задумано. И ничего. Самое непредвиденное произошло потом. Фильм сделан, идет худсовет. «Картина получилась, но надо изменить фамилию Саахов». У нас был секретарь партийной организации— с похожей фамилией. Я говорю: «Ну мало ли, какие

фамилии бывают». Чувствую себя полным балбесом: это же весь фильм переозвучивать! Рассказал Юре Никулину. Он, конечно, возмутился и говорит: «Я как раз завтра иду к Фурцевой». Назавтра меня вызвал наш генеральный директор: «Откуда Фурцева узнала? Она звонила!» — «Не знаю, откуда. Я с ней не знаком».— «Оставьте все, как было».

— С кем из актеров вам было легко работать!

— Понимали друг друга с полуслова с Никулиным. Идет съемка, аппарат крутится, вдруг приходит в голову какая-то мысль. Кричу: «Юра, сделай то-то!». И он делал, не выходя из образа. А вот Андрей Миронов прекрасно импровизировал, но подсказка во время съемки его сразу останавливала. Бог мой, как он рассказывал и показывал. Сцены на корабле в сценарии не было. Зацепин написал хорошую песню, Андрей за нее уцепился и сделал сольный номер. Я только говорил: «Внимание, мотор! Начали». Раньше я все роли сначала сам проигрывал, вплоть до женских. Проигрываю, что-то нахожу, потом начинаю с актером или актрисой работать. Если актер делает лучше меня — оставляю, если недотягивает — подсказываю. А сейчас больше как-то на актеров полагаюсь. Обленился, наверное. Раньше я бы нашел массу смешных деталей.

— А заграницу в «Бриллиантовой руке» где снимали!

— В Баку, в Старом городе. Сейчас все изменилось, а раньше, когда водили экскурсии, гид говорил: «А вот здесь снималась «Бриллиантовая рука». Историческое место.

— После «Бриллиантовой руки» вы начали «работать с классиками».

— Однажды звонит мне Георгий Данелия: «Хочешь делать «12 стульев»? Что спрашиваешь, мечтал об этом! Оказывается, Данелия тоже мечтал, пробил у начальства, «зеленая улица», но у него, как говорится, «перегорело».

— Как возник именно такой Остап Бендер!

— Это тяжелый случай в моей биографии. Я все время «держу в голове» Олега Табакова. Вот кто купается в ролях, все что угодно может делать. Я мечтал о таком Остапе. Пробовалось на пленку 23 человека, а уж на фото — со всего Союза. Пробовались и Алексей Ьаталов, и Валентин Гафт, и Владимир Басов, и Евгений Евстигнеев. И многие другие. И наконец, я нашел Остапа, о котором мечтал: Владимира Высоцкого. Пробы прекрасные. Как он пел с мадам Грицацуевой! Но, к сожалению, по ряду причин Высоцкий сниматься не смог. И тогда возник Арчил Гомиашвили. По-моему, он и в жизни — Остап Бендер! Сейчас, мне сказали, открыл валютный ресторан с казино.

— После «Ивана Васильевича» ваши комедии перестали пользоваться таким сногсшибательным успехом. Может быть, зрителей отпугнул внезапный переход к экранизациям!

— Но «Иван Васильевич» тоже классика. Булгаков! Мы, конечно, многое переписали, перенесли действие в наши дни. И была у нас такая настоящая фраза: Бунша — Иван Грозный спрашивает: «За чей счет этот банкет, кто оплачивать будет!» Было снято: «Народ, ваше величество, народ!» Пришел большой начальник и мягко просил убрать последнюю реплику. Я отстаивал эту фразу: «Да народ ведь все оплачивает, и тогда, и сейчас». Нет, переозвучили: «Во всяком случае, не мы!» Так что не знаю, от чего успех зависит. Трудно все-таки в этом жанре работать. Есть картины, за которые я не отвечаю. Это «Жених с того света», вся переснятая, переозвученная, превратившаяся из полнометражной в короткометражку...

Леонид Гайдай удивился, когда выяснилось, что я видела эту первую, «не его» комедию. В душном зальчике «Иллюзиона», ровно десять лет назад. В тесном кругу, не поленившихся прийти сюда сразу после новогодней ночи. Порезанная (о чем мы не знали) в 58-м году комедия была о том же, о чем болела голова в 83-м (и новогоднее застойное застолье тут ни при чем). Смеясь, мы расставались с прошлым — о чем тоже не знали.

— ...И — «Инкогнито из Петербурга». Замахнулись на «Ревизора». Тут-то мы и ударились носом о стол. Слишком много аллюзий там возникало: поцелуи городничего, названия сцен: «От конфронтации к взаимопониманию». Или: приезжают городничий и Хлестаков в училище, к ним бегут дети с цветами, а им вручают коробки конфет. Лекаря-немца играл Александр Ширвиндт. Этот лекарь всегда такой старенький, глухой, а у меня красавец, на всех так смотрит свысока. И финал такой был: горят свечи, идет Ширвиндт, гасит эти свечи, и Бондарчук за кадром читает: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Народная пословица». Принимал картину зампред Госкино Борис Павленок — и принял без поправок, целиком. А редактором был Даль Орлов, он сказал: «Что-то я ничего не понимаю». И начались вызовы в кинокомитет. Я сказал Павленку: «Вы же портите фильм. Я вырежу, но будет хуже». И однажды не выдержал: «Боитесь потерять свое место, боитесь, что скажут там!» и всякие другие слова... «Инкогнито» вышел на экраны в 78-м году, «Жених с того света» в 58-м. Между ними, двадцать лет, я работал более или менее нормально. Умный человек Михаил Швейцер: все, что его заставляли вырезать, сохранил. И потом восстановил свой фильм по повести Тендрякова «Тугой узел». А у меня ничего нет. Делал все поправки, потому что люди работали, им надо получить деньги. Ни одной картины на полке нет.

— Если бы вы снимали фильм о себе, о своей жизни — получилась бы комедия или драма!

— И то было, и это. Если бы в моей жизни был сюжет для комедии — я бы ее уже снял. На фронте было много смешного.

— Расскажите что-нибудь.

— Фронтового? Как мы первый раз под бомбежку попали: это ж такая комедия! Я был во взводе пешей разведки. На фронт шли пешком, остановились однажды в какой-то деревне, вдруг налетели немецкие самолеты. Рвутся бомбы. Все начали прятаться: кто под стол, кто за занавеску. Потом смеялись: от бомбы под стол. А вообще это эгоистическое чувство: остался жив.

— Чтобы выжить сейчас, нужно смеяться!

— Надо смеяться. Надо.

— Над чем! Над кем!

— Планов лет на 10—15, как у некоторых счастливых режиссеров, у меня никогда не было. Вот сейчас Аркадий Инин, Юрий Волович и я решили — Бог троицу любит — делать вместе третью картину. Сидим, думаем, фантазируем. Пока ничего не придумали.

— В предпоследней комедии «Операция «Кооперация», вы посмеялись над кооператорами...

— Почему смеялся? Я поддерживал!

— Теперь поддержали КГБ!

— Наоборот, посмеялся. Был бы я моложе лет на 30, а лучше на 40, обязательно бы предпринимательской деятельностью занялся. А сейчас уже лень, я очень ленивый человек. Все откладываю на потом. Когда защищал диплом во ВГИКе, за ночь написал теоретическую часть. За свою жизнь я снял 18 фильмов, из них три короткометражки. Много это или мало? Не знаю...

— Какая из комедий далась вам легче всего, малой кровью!

— «Пес Барбос» — потому что восемь минут всего. А вот «Самогонщики» уже с трудом. Была снята большая сцена: гонят самогон, Моргунов—Бывалый смотрит на бутылки, и ему кажется: падают с неба, деньги, загородный дом, золотая «Волга» (красили золотой краской), пес Барбос сидит на золотой цепи, из дома выходит жена, которую для смеха я играл сам, они прощаются — и Бывалый уезжает. Было снято, как в немом кинематографе. «Что это такое, это целая фабрика уже, капитализм!» И была песня, которую придумал Никулин: «Не футболисты мы, не велогонщики, и не артисты мы, а самогонщики. Эх, пить будем, гулять будем, а милиция придет — угощать будем. И помогают нам всегда — сахар, дрожжи и вода...» Начальник сказал: «Это становится гимном самогонщиков. Не пойдет!» Даже с комедией по Зощенко «Не может быть» вышла история. Какова социальная принадлежность героев? Обыватели! Это надо уточнить. Придумали, озвучили: Савелий Крамаров «затылком» говорит: «У, буржуи недорезанные!». Замечания кончились, когда перестройка началась. Теперь делай что хочешь. Я редко смотрю кино, но многим это пошло во вред. Раньше на «Мосфильме» был большой худсовет, на котором принимали все картины. А сейчас каждый в своей конуре что-то делает, копошится...

— В «Операции «Ы» Шурику кажется, что «он здесь уже был». С вами такое случается!

— Предчувствия у меня бывают. Вот недавно зашел

на аэровокзал, там стоят игральные автоматы. Чувствую, что сейчас выиграю 10 тысяч. Бросил три монеты и выиграл. 20 тысяч.

— Кто вы в семейной жизни: товарищ Саахов или «муж своей жены»! (так называлась киноролъ молодого Гайдая).

— Я муж своей жены — актрисы Нины Гребешковой. Она играет первую скрипку, я не вмешиваюсь, ухожу. Дом держится на ней, я только деньги зарабатываю. Хотя какие деньги: из преуспевающего режиссера за год превратился в нищего пенсионера.

— Что будет дальше! Что подсказывает вам интуиция!

—Напишем сценарий, найдем деньги — начну работать, пока силы есть.

Беседу вела
Ирина ТИМОФЕЕВА.

● *Гайдай... и его команда:*
● *«Лелик, я должен принять ванну...» Д. Харатьян.*
● *«Жених с того света». У прямого провода — Г. Вицин.*
● *«Как говорит наш шеф, главное в жизни реализм!» На Брайтон-Бич поют Л. Гайдай и К. Мак-Гилл.*
● *«Я заказывал дичь!» Е. Леонов.*
● *«Надо, Федя». Краснокожий напарник В. Смирнова.*